This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

891.75
N420
S64

A 868,415

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES

Ѳ. Смирновъ.

Передъ некрасовскими днями.

Посвящается памяти
Н. А. Некрасова.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1902.

Smirnov, F

ПЕРЕДЪ НЕКРАСОВСКИМИ ДНЯМИ.

(Посвящается памяти Н. А. Некрасова).

Ѳ. СМИРНОВЪ.

Въ „Некрасовщинѣ". Что нужно сделать въ память Н. А. Некрасова? Почитателямъ Н. А. Некрасова. Дворянство или общество?

БИБЛІОТЕКА 798. П. ГУСЛЬ-ЭНГБЕРТЪ

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1902.

891.78
N420
S64

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 1 Мая 1902 года.

Въ виду приближающагося 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова среди нѣкоторыхъ членовъ Ярославскаго Общества Содѣйствія Народному Образованію явилась мысль ознаменовать это событіе пріобрѣтеніемъ въ собственность Общества части бывшей усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда. Общество сочувственно отнеслось къ этой мысли, но недостатокъ средствъ можетъ помѣшать ея осуществленію. Съ цѣлью устранить это препятствіе, авторъ этихъ строкъ въ цѣломъ рядѣ статей, напечатанныхъ въ ярославской газетѣ „Сѣверный Край", обращался къ ярославскому обществу, ко всѣмъ почитателямъ поэзіи Некрасова съ призывомъ придти на помощь обществу содѣйствія народному образованію. Призывъ этотъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и теперь авторъ обращается съ нимъ уже къ всероссійскому обществу. Нужны не Богъ-вѣсть какія средства, чтобы купить часть бывшей усадьбы Некрасовыхъ и устроить тамъ библіотеку или школу, или—всего лучше—то и другое вмѣстѣ. Пожертвованія для этой цѣли могутъ присылаться въ редакцію „Сѣвернаго Края" на имя автора этихъ строкъ или просто на имя редакціи съ обозначеніемъ цѣли и именъ жертвователей, чтобы списокъ ихъ можно было потомъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе.

Ѳ. Смирновъ.

cks
Range
14-Shelv
26-71
3448-293

Въ „некрасовщинѣ“.

Однажды я, гуляя со своимъ знакомымъ, П. Н., въ Ярославлѣ по набережной, держалъ къ нему слѣдующую рѣчь:

— Странное дѣло! Ярославцы слывутъ людьми живыми и предпріимчивыми, а между тѣмъ Ярославская губернія—одна изъ тѣхъ, о которыхъ ничего не слышишь, а городъ Ярославль—самый богоспасаемый, обывательскій городъ. Надо полагать, всѣ ярославцы поживѣй уходятъ на сторону, а дома остаются люди, тяжелые на подъемъ. Какъ въ старину Сергій, митрополитъ Филиппъ, князь Курбскій—все ярославцы—всѣ свои силы отдали не тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они родились, такъ и теперь... хотя бы Некрасовъ.

П. Н., коренной ярославецъ, внималъ мнѣ сочувственно.

— Правда, правда,—подтверждалъ онъ мою филиппику.—Некрасовъ создалъ въ Петербургѣ лучшіе наши журналы и уже однимъ этимъ сыгралъ всероссійскую культурную роль. А между тѣмъ въ Ярославской губерніи о немъ, кажется, всего менѣе знаютъ. Вѣдь, вотъ, онъ выросъ въ Грешневѣ, здѣшняго уѣзда. За-границей цѣлое пилигримство установилось бы въ тѣ мѣста, гдѣ жилъ и выросъ такой поэтъ. Онъ же описалъ ихъ во многихъ произведеніяхъ, въ которыхъ и темы-то взяты изъ нашей же, ярославской, жизни. А у насъ

развѣ кто-нибудь бывалъ въ Грешневѣ? Многіе не знаютъ даже, гдѣ Некрасовъ и выросъ. А вѣдь и съѣздить недалеко, не дальше, чѣмъ на Бабайки. Нѣтъ у насъ культа замѣчательныхъ людей, некультурны мы.

Я мгновенно увлекся мыслью П. Н. и предложилъ ему:

— Такъ знаете что?—поѣдемте завтра. Будетъ праздникъ, а погода стоитъ хорошая.

— Н-нѣтъ... — замялся П. Н., — поѣзжайте вы лучше одинъ и опишите, что увидите, а я прочту.

Какъ ни старался я убѣдить П. Н. поѣхать въ Грешнево, онъ не согласился.

— Однако, тяжелы же вы на подъемъ,—сказалъ я съ досадой,—настоящій ярославецъ изъ здѣшнихъ.

П. Н. кротко перенесъ мой укоръ, но совѣсть сказала мнѣ, что я и одинъ могу съѣздить въ Грешнево, и если не ѣду, такъ тоже, должно быть тяжелъ на подъемъ.

Но въ то время—дѣло было къ осени—я такъ и не собрался, и только уже въ концѣ весны слѣдующаго года я рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Я началъ дѣло довольно неудачно.

Плохо разспросивъ о мѣстоположеніи Грешнева въ разсчетѣ, что языкъ до Кіева доведетъ, и увѣренный почему-то, что большая дорога изъ Ярославля въ Кострому, на которой, какъ я зналъ, находится Грешнево, идетъ только по правую сторону Волги, я высадился съ парохода на пристани Бабайскаго монастыря и направился пѣшкомъ къ ярославской большой дорогѣ, которая, какъ мнѣ сказали въ монастырѣ, проходитъ въ 7 верстахъ отъ берега Волги. Путь мой лежалъ черезъ посадъ Большія Соли къ селу Малыя Соли. Была суббота, и по дорогѣ навстрѣчу мнѣ все время попадались

толпы крестьянъ, преимущественно женщинъ, направлявшихся въ монастырь на богомолье. Мнѣ пришла въ голову мысль, что я вѣдь тоже пилигримъ, только не такой, какъ тѣ, которые попадались мнѣ навстрѣчу, что есть нѣчто символическое въ томъ обстоятельствѣ, что я иду въ сторону, прямо противоположную движенію всѣхъ богомольцевъ, что, можетъ быть, со временемъ такіе пилигримы, какъ я, не будутъ одиноки, и пр. и пр. Съ такими мыслями я добрался до Малыхъ Солей, гдѣ вышелъ на большую ярославско-костромскую дорогу, и здѣсь къ большому моему огорченію, спросивъ, далеко ли до Грешнева, узналъ, что оно находится на лѣвомъ берегу Волги. Съ великой досадой въ хвостѣ все шедшихъ богомольцевъ вернулся я въ монастырь и съ первымъ пароходомъ отправился въ село Діево-Городище, чтобъ идти оттуда въ Грешнево.

Извѣстно, что Волга ниже Ярославля течетъ въ низменныхъ берегахъ. По лѣвую сторону Волги— низина версты 4 въ ширину. Это мѣсто сильно затопляется полою водою, а теперь оба берега разстилались зеленою равниной, посрединѣ которой, синѣя, изгибалась полоса Волги. Берега здѣсь такъ низки, что пароходы на Волгѣ тамъ, гдѣ рѣка не видна за изгибомъ берега, кажется, плывутъ по самымъ лугамъ. Глазъ не видитъ конца зеленой равнины въ длину, по сторонамъ же налѣво луга кончаются рыжей распаханной горой, на которую я потомъ и выбрался, потому что идти лугомъ было грязно; направо за Волгой вдали также возвышались холмы. На одномъ изъ нихъ видны были 6 церквей посада Большія Соли; бѣлыя стѣны Бабайскаго монастыря также были передъ глазами.

Я прошелъ верстъ семь, пока добрался, уже къ вечеру, до Грешнева. Первой моей заботой было

найти ночлегъ, и я спросилъ у первой встрѣчной бабы:

— Есть здѣсь трактиръ?

— Вамъ ночевать?

— Да.

— Ну, такъ идите вотъ въ этотъ,—указала она мнѣ на домъ посреди деревни.

— А развѣ есть еще трактиръ?

— Есть, да только тамъ хуже,—тамъ зимогоровъ много.

— Откуда же въ деревнѣ взялись зимогоры?— удивился я.

— Да вотъ есть,—получился неопредѣленный отвѣтъ.

Я отправился въ тотъ трактиръ, на который мнѣ указала женщина. Я слышалъ ранѣе, что въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ помѣщается теперь трактиръ, и, разсматривая тотъ домъ, въ который я хотѣлъ войти, я задавалъ себѣ вопросъ: „Здѣсь или не здѣсь провелъ свое дѣтство Некрасовъ?“

Я вошелъ въ тѣсный и грязноватый деревенскій трактиръ, гдѣ не было никого, кромѣ хозяина, молодого мужчины, сидѣвшаго у стола и читавшаго книгу. Я тотчасъ же условился съ нимъ о ночлегѣ, а потомъ спросилъ:

— Который трактиръ здѣсь помѣщается въ бывшей барской усадьбѣ?

— А это за деревней, на большой дорогѣ.

Это былъ тотъ трактиръ, который грешневская крестьянка не порекомендовала мнѣ для ночлега.

Я тотчасъ же отправился посмотрѣть на мѣсто, которое было цѣлью моего путешествія, и, пройдя деревню, увидѣлъ двухъэтажный домъ съ кирпичнымъ нижнимъ и деревяннымъ верхнимъ этажемъ, гдѣ надъ дверью виднѣлась вывѣска съ такой надписью:

Постоялый дворъ Раздолье съ распитиемъ крепкихъ напитокъ и навыносъ и съ продажею чаю.

Въ трактирѣ я засталъ довольно большую компанію. Это по виду были не крестьяне, но и не зимогоры, какъ въ Рыбинскѣ и другихъ мѣстахъ Ярославской губерніи называютъ золоторотцевъ; по виду и по одеждѣ это были—переходная ступень отъ очень бѣднаго крестьянина къ золоторотцу. Потомъ я узналъ, что трактиръ „Раздолье" былъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нищихъ окрестныхъ деревень,—это они и были. Компанія была въ состояніи легкаго подпитія. Одинъ изъ нихъ, старикъ, одѣтый по-мѣщански, лучше другихъ, привѣтствовалъ меня пьянымъ возгласомъ:

— А, шляпа, шляпа! Иди къ намъ!

Прислуживавшій въ трактирѣ малый поспѣшно увелъ меня вверхъ, въ чистую половину. Подпившій старикъ былъ недоволенъ, что я оставилъ безъ вниманія его приглашеніе, и кричалъ вслѣдъ мнѣ:

— А что такое, что ты въ шляпѣ? Мнѣ плевать, я самъ могу надѣть шляпу.

Вверху было пусто, а такъ какъ цѣль моя была разспросить о Некрасовѣ, то я спустился внизъ и подсѣлъ къ подпившему старику въ разсчетѣ узнать именно отъ него что-нибудь полезное. Однако старикъ самъ хотѣлъ узнать, кто я и зачѣмъ явился. Мнѣ не было никакой надобности скрывать цѣль моего появленія, и я, по возможности понятнѣе, объяснилъ, что мнѣ интересно узнать, что ему из-

вѣстно о Некрасовыхъ, главнымъ образомъ о поэтѣ, и что я опишу потомъ въ газетахъ, что узнаю. Понялъ или не понялъ старикъ то, что я сказалъ, не знаю, только онъ не повѣрилъ мнѣ ни въ словѣ. Сперва онъ заподозрилъ меня въ томъ, что я—адвокатъ и явился изъ Ярославля со спеціальной цѣлью подвести кляузу именно подъ него. Потомъ я узналъ, что старикъ самъ былъ мѣстный „аблакатъ", великій кляузникъ. Когда я сказалъ ему, что я его не знаю и знать не хочу, если отъ него нельзя добиться ничего путнаго, старикъ выразилъ подозрѣніе, что я явился съ кляузой насчетъ самого хозяина трактира. Это взбрело ему въ голову, потому что я допытывался, когда и какъ перешла усадьба Некрасовыхъ въ руки настоящаго владѣльца. Пьяный старикъ до того надоѣлъ мнѣ и такъ мѣшалъ говорить съ другими, что я, наконецъ, разсердился и сказалъ ему, что онъ пьянъ, глупъ и вздоренъ и чтобъ онъ отвязался отъ меня.

— Нѣтъ, я не дуракъ,—вопилъ старикъ,—я десятый-то томъ, можетъ быть, лучше тебя знаю. Ты думаешь, о продажѣ дворянскихъ родовыхъ имѣній я ничего не знаю?—и онъ пытливо на меня посмотрѣлъ.

— Отстань!—возразилъ я кратко.

— А если ты агентъ общества, то и показывай прямо открытый листъ, а скрываться незачѣмъ,—все равно поймемъ!—не унимался старикъ, высказывая новую догадку.

Я разыскалъ хозяина трактира, который былъ занятъ у кузницы, и сказалъ ему, что мнѣ нужно. Оказалось, что теперешній хозяинъ усадьбы Некрасовыхъ, нѣкій Титовъ изъ Ростовскаго уѣзда, купилъ усадьбу въ Грешневѣ у Ѳ. А. Некрасова, брата поэта, лѣтъ 15 тому назадъ. Въ настоящее время отъ бывшей усадьбы Некрасовыхъ остался

только каменный нижній этажъ трактира, который прежде принадлежалъ къ усадебнымъ службамъ. Во времена А. С. Некрасова, отца поэта, здѣсь помѣщались музыканты,—А. С. Некрасовъ содержалъ оркестръ. Ѳ. А. Некрасовъ послѣ смерти отца устроилъ въ этомъ зданіи трактиръ, такъ что счастливая мысль украсить кабакомъ то мѣсто, гдѣ провелъ дѣтскіе годы народный поэтъ, принадлежитъ не трактирщику Титову, который явился на готовое, а помѣщику Ѳ. А. Некрасову, брату поэта. Что касается самого господскаго дома, то онъ сгорѣлъ еще въ 60-хъ годахъ послѣ смерти А. С. Некрасова отъ неосторожности сторожа.

Такъ какъ Грешнево стоитъ на большой дорогѣ между Ярославлемъ и Костромой, то мысль устроить здѣсь трактиръ понятна съ барышнической точки зрѣнія.

Трактиръ на бойкомъ мѣстѣ—вотъ что дала многочисленному прохожему народу усадьба въ Грешневѣ, сама получая взамѣнъ деньги прохожаго народа. Н. А. Некрасовъ въ поэмѣ „Крестьянскія дѣти“ говоритъ какъ разъ о тѣхъ же прохожихъ людяхъ и о томъ, что давали они крестьянскимъ дѣтямъ Грешнева и ему самому:

„У насъ... дорога большая была.
Рабочаго званія люди сновали по ней безъ числа.
Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ. Начнутся разсказы
Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися, —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу ввернетъ“.

Слушалъ эти сказки и притчи Н. А. Некрасовъ и потомъ самъ далъ свои поэмы народу. Всякій беретъ у народа и даетъ ему, что можетъ...

Но я отвлекся. Возвращаюсь къ усадьбѣ Некрасовыхъ въ Грешневѣ. Господскій домъ стоялъ влѣво отъ трактира, и мѣстоположеніе его указываютъ камни, бывшіе въ его основаніи. Въ нынѣшнемъ году часть этихъ камней взята и положена въ основаніе казенной винной лавки, которую акцизное вѣдомство устраиваетъ какъ разъ въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ. Такимъ образомъ съ будущаго года на той почвѣ, на которой выросъ одинъ поэтъ будутъ стоять два кабака, и не одинъ, а два источника радости и веселія будутъ поить жаждущихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Н. А. Некрасовъ написалъ когда-то многія свои произведенія*).

Была попытка устроить въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ ремесленное училище. Мѣстный земскій начальникъ собиралъ въ Грешневѣ сходъ и убѣждалъ крестьянъ составить приговоръ въ этомъ смыслѣ. „Мы были согласны,—говорили крестьяне, —и приговоръ составили, и по полтиннику съ души положили, да вотъ нѣтъ училища,—видно, вышла какая-нибудь зацѣпка“.

До сихъ поръ на мѣстѣ бывшей усадьбы растутъ липы, посаженныя когда-то около господскаго дома. Эти липы, еще не старыя,—все, что осталось отъ сада, который былъ довольно великъ и занималъ 2—3 десятины. Въ поэмѣ „Мать“ описанъ этотъ садъ, съ которымъ у Н. А. Некрасова были связаны самыя нѣжныя воспоминанія:

„Въ полдневный зной вошелъ я въ старый садъ;
Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
Внимая ихъ порывистому пѣнью,
Вершины липъ таинственно шумятъ.
Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленой тѣнью

*) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки написаны, обстоятельства измѣнились. Акцизное вѣдомство не сошлось съ Титовымъ въ условіяхъ и пріискало для казенной винной лавки въ Грешневѣ другое помѣщеніе.

Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
Ты, мать моя, бродила каждый день".

Ничего этого теперь нѣтъ.

Нѣтъ ни стараго дуба, ни ивы, о которой говоритъ поэтъ, посвящая своей сестрѣ поэму „Морозъ-красный носъ":

„Буря воетъ въ саду, буря ломится въ домъ.
Я боюсь, чтобъ она не сломила
Старый дубъ, что посаженъ отцомъ,
И ту иву, что мать посадила.
Эту иву, которую ты
Съ нашей участью странно связала.
На которой поблекли листы
Въ ночь, какъ бѣдная мать умирала".

Не этой бурей были уничтожены деревья въ саду. Послѣ объявленія воли садъ перестали поддерживать, ограда вокругъ него стала разрушаться, въ садъ заходили, кто хотѣлъ, портя и обламывая яблони и кусты. Такъ садъ и перевелся. Липы, березы и другія большія деревья отчасти засохли отъ старости, но больше были срублены Титовымъ, который и запахалъ мѣсто бывшаго сада. Въ настоящее время только опытный глазъ распознаетъ по нѣкоторымъ признакамъ, что мѣсто, занятое хозяйствомъ Титова, представляетъ бывшую барскую усадьбу. Объ этомъ скажутъ уцѣлѣвшія липы и пни большихъ деревьевъ. Вообще же усадьба Титова съ ея трактиромъ, сараями, крытыми соломой, садомъ и огородомъ, обнесенными заборомъ изъ кольевъ, колодцемъ обыкновеннаго деревенскаго устройства и пашнею кругомъ представляетъ видъ вовсе не барскій. Между новою и старою усадьбою такая же разница, какъ между трактирщикомъ и кулачкомъ Титовымъ и старымъ бариномъ-крѣпостникомъ А. С. Некрасовымъ. Титовъ кромѣ того, что содержитъ трактиръ, занимается хозяйствомъ, засѣваетъ свою землю, держитъ скотъ

Выкормка свиней поставлена у него довольно оригинально. Люди, побирающіеся по-міру по всей округѣ, приносятъ ему свой дневной сборъ. Онъ покупаетъ у нихъ кусочки и скармливаетъ ихъ свиньямъ, а вырученныя деньги нищіе оставляютъ въ его же трактирѣ. Тѣ же нищіе за-дешево помогаютъ рабочимъ Титова управляться съ хозяйствомъ. Такимъ-то образомъ въ гнѣздѣ стараго барина, мучившаго четыре подвластныхъ ему деревни, завелся теперь мелкій кулачокъ, эксплуатирующій деревенскаго пролетарія.

„Знаю, на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ
Люди придумаютъ много другихъ.
Такъ... Но распутать ихъ легче народу“—

вспоминались мнѣ слова поэта, когда я разсмотрѣлъ хозяйство Титова. И по всей округѣ теперь процвѣлъ Наумъ, который завелъ въ этой мѣстности заводы терочные, паточные и иные. По всей мѣстности здѣсь сѣется много картофеля, который крестьяне поставляютъ на заводы. Заводчики прижимаютъ крестьянъ въ цѣнахъ, иногда прямо эксплуатируютъ ихъ, платя вмѣсто денегъ товаромъ по своей цѣнѣ; населеніе видитъ эту эксплуатацію, видитъ, что у него новые господа и новыя цѣпи, а все-таки мнѣ думается, что

„Распутать ихъ легче народу“.

Въ деревнѣ всѣ люди постарше знали и помнятъ Некрасова-отца и его младшаго сына, Ѳедора Алексѣевича, единственнаго, оставшагося въ живыхъ изъ братьевъ поэта. Многіе знали также или, по крайней мѣрѣ, видали и Н. А. Некрасова, который довольно часто пріѣзжалъ въ родныя мѣста по лѣтамъ.

Матери Некрасова почти никто не помнитъ. Только самый старый человѣкъ въ деревнѣ, крестьянинъ Ерастъ Максимовичъ Торчинъ, который счи-

таетъ себѣ около 80 лѣтъ и съ Н. А. Некрасовымъ былъ почти сверстникъ, сохранилъ о старой барынѣ смутное воспоминаніе, какъ о существѣ хрупкомъ, худенькомъ, нѣжномъ.

— Добрая была барыня, — часто упрашивала мужа простить, если онъ кого хотѣлъ высѣчь.

Мужъ иногда слушался ея, иногда возражалъ: „Нѣтъ, вѣдь сама себя раба бьетъ“ или: „Если бы на крапиву не морозъ, она и зимой бы жглась“, или, наконецъ, какой-нибудь другой поучительной сентенціей и дѣлалъ свое.

А. С. Некрасовъ, унаслѣдовавшій отъ братьевъ Сергѣя и Дмитрія, жившихъ также въ Грешневѣ, ихъ владѣнія, имѣлъ 4 деревни: Грешнево, Гогулино, Васильково и Кочевку, всего около 150 душъ. Крестьяне въ „некрасовщинѣ“ жили исправно, и Алексѣй Сергѣевичъ приписывалъ это себѣ.

Часто онъ говорилъ своимъ мужикамъ, указывая на сосѣднюю неисправную деревню Никулино:

— Смотрите, какъ никулинскіе живутъ, а у васъ за мной-то и дома, и все, а безъ меня такіе же будете.

— А крестьяне что?—спросилъ я Ераста Максимовича.

— А крестьяне, извѣстно, про себя думали: хоть одинъ горшокъ, да самъ большой.

Нѣкоторые наканунѣ воли откупались за большія деньги—хоть годомъ, да раньше. А. С. Некрасовъ держалъ своихъ крестьянъ строго. Онъ хорошо зналъ хозяйственныя дѣла своихъ крѣпостныхъ, и мужики не смѣли копейки лишней издержать на „баловство“.

— При крѣпостномъ-то правѣ мы каждый грошъ тремя узлами завязывали,- говорилъ Ерастъ Максимовичъ,—чаю въ поминѣ не было, развѣ кто по праздникамъ пилъ.

Изъ мужиковъ Алексѣй Сергѣевичъ въ свой барскій доходъ выжималъ, что могъ, не портя курицы, несущей золотыя яйца, и память объ его прижимкѣ живетъ до сихъ поръ въ населеніи бывшей „некрасовщины“.

Вмѣстѣ съ прочимъ баловствомъ А. С. Некрасовъ не допускалъ и семейныхъ раздѣловъ и на просьбы раздѣлить ради умиротворенія бабъ отвѣчалъ басней о вѣникѣ, прибавляя:

— Семейная каша гуще бываетъ!

А при усиленныхъ просьбахъ отправлялъ „на девятую половницу“,—грешневская метафора, означавшая порку.

Потому-то при жизни Алексѣя Сергѣевича, который немногимъ пережилъ крѣпостное право, изъ окрестныхъ деревень, случалось, неохотно отдавали дѣвицъ замужъ „въ некрасовщину на муку“.

А старый Ерастъ Максимовичъ, который пользовался даже благоволеніемъ барина и былъ у него въ старостахъ до самаго объявленія воли, теперь, почти черезъ 40 лѣтъ послѣ смерти барина, говоритъ:

— Барина Алексѣя Сергѣича больно-то худо не помянешь, да и хорошимъ-то нечѣмъ.

Такимъ же А. С. былъ и въ своемъ домашнемъ кругу.

Объ его отношеніяхъ къ семьѣ мы знаемъ изъ произведеній Н. А. Некрасова. Въ поэмѣ „Мать“ обрисованы отношенія А. С. къ своей женѣ:

„Твой властелинъ наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ.
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ.
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ,—
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ его душѣ царилъ“.

Итакъ, Н. А. Некрасовъ о роли своей матери въ семейныхъ отношеніяхъ говоритъ то же, что сказалъ Ерастъ Максимовичъ о доброй барынѣ, просившей мужа за подвластныхъ крѣпостныхъ. Воспоминанія Ераста Максимовича согласны съ вышеприведеннымъ отрывкомъ и въ другомъ.

Пока жива была жена, А. С. Некрасовъ, какъ говорятъ старики, не имѣлъ любовницъ; послѣ же ея смерти онъ имѣлъ ихъ нѣсколько.

— Одна была коренная, другія въ пристяжкѣ,— выразился Ерастъ Максимовичъ.

А. С. Некрасовъ до самой смерти старался сохранить молодой видъ и, если гдѣ-нибудь замѣчалъ себя сѣдой волосъ, тотчасъ приказывалъ лакею его вырвать.

— Вырветъ и думаетъ, что теперь опять не старъ —съ неодобреніемъ вспоминалъ эту непокорность природѣ Ерастъ Максимовичъ, старикъ сѣдой, но не крѣпкій, несмотря на свои 80 лѣтъ.

— Бывало,—вспоминалъ Ерастъ Максимовичъ,— баринъ встанетъ, подойдетъ къ окну, увидитъ, что дороши нѣтъ, и скажетъ: „Ахъ, чортъ возьми, опять нельзя ѣхать на охоту!“ А когда захворалъ передъ смертью и лежалъ въ постели, то часто приходилось отъ него слышать: „Хоть бы Господь скорѣй одинъ конецъ послалъ!“

Я слышалъ эти простыя слова и ясно представилъ себѣ стараго барина, который всю жизнь прожилъ только для себя, зналъ только свои желанія и не только подчинялъ имъ окружавшихъ его людей, но досадовалъ, что сама природа не шла навстрѣчу его прихоти. И только передъ грознымъ лицомъ смерти, сломленный невыносимыми страданіями, этотъ своенравный человѣкъ иногда смирялся. Говорю: иногда, потому что есть извѣстія, что Алексѣй Сергѣевичъ Некрасовъ умеръ не въ мирѣ,

а съ проклятіями за тѣ муки, которыя испыталъ передъ смертью онъ, всю жизнь свою мучившій сотни людей, ему подвластныхъ.

Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что въ воспоминаніяхъ Ераста Максимовича о старомъ баринѣ нѣтъ ничего ужаснаго, что можно встрѣтить въ другихъ воспоминаніяхъ изъ временъ крѣпостного права. Если мы вспомнимъ еще характеристику А. С. Некрасова въ поэмѣ „Мать„:

„Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но нравъ его, привычки, воспитанье?...
Умѣетъ ли онъ имя подписать?...“ —

то мы получимъ понятіе объ А. С. Некрасовѣ, какъ о самомъ обыкновенномъ представителѣ стараго времени и той „гордившейся невѣжествомъ среды“, которая „попрала все разумное ногами“. Только особенныя качества ума и сердца давали возможность побѣдить растлѣвающее вліяніе крѣпостного права. А. С. Некрасовъ ими не обладалъ, но онъ отнюдь не былъ и извергомъ и даже былъ не лишенъ хорошихъ качествъ, что доказывается уже тѣмъ, что онъ способенъ былъ подчиняться вліянію своей жены. Семейный деспотизмъ, отъ котораго страдала семья Некрасовыхъ, будучи отраженіемъ крѣпостного права, былъ обычнымъ явленіемъ того времени. Страдалъ отъ него Пушкинъ, страдалъ Тургеневъ, хотя зналъ только мать. Притѣсненіе крестьянъ... кто же не притѣснялъ крестьянъ? Тѣмъ болѣе мелкопомѣстный А. С. Некрасовъ, который однако страстно любилъ псовую охоту и держалъ свору въ 100 собакъ, держалъ также оркестръ музыкантовъ настолько порядочный, что онъ былъ извѣстенъ кругомъ и приглашался иногда въ Ярославль на свадьбы и иныя торжества.

Что касается сыновей А. С. Некрасова, то о Ни-

колаѣ Алексѣевичѣ, кто его помнитъ, отзываются такъ:

— Добрый былъ, деликатный господинъ, настоящій баринъ!

Ближе всѣхъ Н. А. Некрасова зналъ крестьянинъ деревни Орлова Кузьма Ефимовичъ Солнцевъ, съ которымъ Н. А. постоянно охотился, когда пріѣзжалъ на родину.

Кузьмѣ Ефимычу теперь 70 лѣтъ. Онъ довольно высокаго роста, крѣпокъ и силенъ и смотритъ лѣтъ на 10—15 моложе своего возраста. Борода у него сѣдая, но въ головѣ сѣдины не видно. Когда я сказалъ ему, что пришелъ поговорить съ нимъ о Н. А. Некрасовѣ, онъ оживился и воскликнулъ:

— Какъ же! мы съ нимъ пріятели были!

Въ воспоминаніяхъ Кузьмы Ефимыча о Некрасовыхъ нѣтъ той горечи, какая накопилась на душѣ Ераста Максимыча, бывшаго крѣпостного, видѣвшаго и испытавшаго не мало барской грозы. Кузьма Ефимовичъ зналъ Некрасовыхъ съ другой стороны. Крѣпостной другихъ господъ, которые въ свою деревню не заглядывали и къ крестьянамъ относились милостиво, онъ знался съ Некрасовыми больше по части охоты и неизмѣнно сопутствовалъ Н. А. Некрасову, когда онъ пріѣзжалъ въ родныя мѣста охотиться.

Кромѣ врожденной страсти къ охотѣ, о которой говоритъ сестра Некрасова въ своихъ воспоминаніяхъ, охота была для Н. А. еще средствомъ стряхнуть съ себя на время треволненія столичной жизни.

„Сгорѣло ты, гнѣздо моихъ отцовъ!
Мой садъ заглохъ, мой домъ безслѣдно сгинулъ,
Но я рѣки любимой не покинулъ.
Вблизи ея песчаныхъ береговъ
Я и теперь на лѣто укрываюсь
И, отдохнувъ, въ столицу возвращаюсь,
Съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ.

Какой восторгъ! за перелетной птицей
Гонюсь съ ружьемъ, а вольный вѣтеръ пнвъ
Сметаетъ соръ, навѣянный столицей,
Съ души моей. Я духомъ бодръ и живъ,
Я тѣломъ здравъ. Я думаю... мечтаю...“

Этимъ желаніемъ на время позабыть столицу объясняется, конечно, и то, что Н. А. Некрасовъ являлся въ родныя мѣста всегда одинъ, безъ столичныхъ знакомыхъ. Только одинъ разъ, кажется, за годъ до своей смерти, онъ пріѣзжалъ въ Орлово съ З—ой П—ой, которая прожила въ Орловѣ недѣли три и охотилась вмѣстѣ съ Н. А. Пріѣзжая на родину, Н. А. Некрасовъ временно погружался въ крестьянскій міръ. Охота, по словамъ его сестры, была для него также средствомъ сблизиться съ народомъ. Н. А. не забывалъ никого изъ деревенскихъ знакомыхъ. Дѣтямъ онъ часто привозилъ игрушки.

— Онъ былъ очень памятливъ,—говорилъ Кузьма Ефимычъ.—Другая семья—большая, а онъ и на другой годъ всѣхъ по именамъ называетъ,—записывалъ что ли?

На охоту Н. А. выѣзжалъ съ обозомъ изъ 2—3 телѣгъ, на которыхъ были нагружены съѣстные припасы и прочее, что нужно для охоты и кочеванья по полямъ и лѣсамъ. Впрочемъ, если Н. А. забирался куда-нибудь далеко отъ обоза, то, проголодавшись, съ удовольствіемъ садился за крестьянскую ѣду, ѣлъ и похваливалъ.

Н. А. Некрасовъ, по словамъ Кузьмы Ефимыча, стрѣлялъ хорошо, съ выдержкой. Добычу отчасти разсылалъ знакомымъ, но часто предоставлялъ сопровождавшимъ его на охоту крестьянамъ, довольствуясь однимъ наслажденіемъ охоты. Въ его время въ тѣхъ мѣстахъ дичи было много.

— Теперь въ 20 разъ меньше стало,—говорилъ Кузьма Ефимычъ, вспоминая старое.—И всего мень-

ше стало, даже такой птицы, на которую не охотятся,—скворцовъ, галокъ. А лѣсовъ сколько перевели, такъ и сказать нельзя. Если бы кто сюда попалъ, кто тутъ 30 лѣтъ не бывалъ, своихъ мѣстъ не узналъ бы.

За всѣ услуги Н. А. щедро платилъ крестьянамъ.

— Баба воды въ ковшикѣ принесла, — полтинникъ, молока или яицъ спросилъ,—рубль.

Когда же онъ располагался обѣдать у своего обоза, то подносилъ водки всѣмъ прохожимъ, причемъ часто вступалъ съ ними въ разговоры.

— Онъ былъ очень любопытенъ,—говорилъ К. Е.,—всѣхъ обо всемъ разспроситъ и запишетъ въ книжку.

Объ отношеніяхъ Н. А. къ роднымъ мы знаемъ отчасти по его сочиненіямъ. Крестьянамъ извѣстно, что у него былъ разладъ съ отцомъ.

— Отецъ его не любилъ,—говорилъ Кузьма Ефимычъ. — Только уже когда сынъ въ гору пошелъ, ну, помирился съ нимъ; бывало, даже хвастался сыномъ, что онъ съ князьями да графами знается.

Изъ біографіи Н. А. Некрасова мы знаемъ причину вражды между отцомъ и сыномъ. А. С. Некрасовъ, пріученный крѣпостнымъ правомъ къ тому, чтобы все покорялось его волѣ, не могъ стерпѣть ослушанія сына, который, вмѣсто того, чтобъ избрать себѣ военную карьеру, какъ этого желалъ отецъ, пошелъ въ университетъ. Но А. С. Некрасовъ былъ сынъ своего времени, преклонявшагося передъ матеріальнымъ успѣхомъ, и когда Н. А. на томъ пути, который онъ себѣ избралъ, достигъ богатства и извѣстности, то отецъ забылъ сыновнее ослушаніе и даже гордился сыномъ.

Къ брату своему, Ѳедору Алексѣевичу, Н. А. питалъ самыя родственныя чувства. Н. А. часто убѣж-

далъ брата жениться. „А то я — неженимый, ты — холостъ,—такъ нашъ родъ прекратится“.

Отчего былъ неженимъ самъ Н. А., это мы знаемъ изъ слѣдующихъ строкъ въ „Горѣ стараго Наума“, имѣющихъ автобіографическое значеніе:

„Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны.
Пускай лѣнтяи и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,—
Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ,—
Я думалъ гордо. Кто не радъ
Оставить міру племя?
Но я родился невпопадъ—
Лихое было время“.

Это было въ молодости Н. А. Некрасова, когда онъ находился въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. А потомъ

„Ушло и время... Мѣста нѣтъ
Желанному союзу.
Умру—и мой исчезнетъ слѣдъ!
Надежда вся на музу“.

Когда я спрашивалъ Кузьму Ефимыча, отчего Н. А. Некрасовъ не женился, К. Е. говорилъ, что Некрасовъ отзывался о женитьбѣ такъ: „Жена во всякомъ дѣлѣ будетъ мѣшать. Захочешь на охоту ѣхать, —она не хочетъ“. Николай Алексѣевичъ, когда садился за дѣла,—пояснялъ К. Е. —не любилъ, чтобы ему мѣшали; случалось, дня на два запирался ото всѣхъ.

Не знаю, насколько вѣрно передалъ К. Е. подлинныя рѣчи Н. А. Некрасова, но возможно, что Н. А. излагалъ ему въ формѣ, доступной его пониманію, то, что изложено выше.

Какъ видитъ читатель, воспоминанія крестьянъ о Н. А. Некрасовѣ и его родныхъ вполнѣ согласны съ тѣмъ, что мы узнаемъ о родныхъ Н. А. Некрасова и о немъ самомъ изъ его сочиненій. Н. А.

совъ не лгалъ въ своихъ произведеніяхъ, и гавленіе о немъ, которое складывается при чте- о произведеній, нисколько не противорѣчитъ которое имѣли о немъ крестьяне въ его родмѣстахъ, знавшіе его, какъ человѣка. Слушая ізы крестьянъ о Н. А. Некрасовѣ, не можешь жалѣть, что эти люди, такъ вѣрно оцѣнившіе Некрасова, какъ человѣка, ничего не знаютъ ъ, какъ о писателѣ. Грустно, что крестьяне овались только полтинами и рублями отъ щед- „барина“ Н. А. Некрасова и до сихъ поръ не льзовались ничѣмъ изъ того огромнаго духовнаслѣдства, которое осталось послѣ него всескому народу. И теперь, почти черезъ 25 лѣтъ смерти Н. А. Некрасова, приходится повто- то, о чемъ съ грустью говорилъ когда-то Некрасовъ:

„Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
Когда (приди, желанное!...)
Дадутъ понять крестьянину,
Что книга книгѣ рознь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?
Ой, люди, люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великія:
Носили ихъ, прославили.
Заступники народные!
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ.
Ихъ книги прочитать...“

вотъ теперь, болѣе, чѣмъ черезъ четверть вѣлѣ того, какъ сказаны эти слова, славное имя Некрасова, заступника народнаго, даже на его ѣ извѣстно только, какъ имя добраго, обхо-

дительнаго барина, а сочиненія его недоступны тѣмъ самымъ, въ защиту кого они написаны.

Село Абакумцево, около церкви котораго покоятся мать, отецъ Н. А. Некрасова и другіе его родственники, находится въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ 2—3 отъ Грешнева.

Здѣсь-то, „у Петра и Павла", какъ обыкновенно говорятъ мѣстные крестьяне, за церковной оградой, позади алтаря, я увидѣлъ окруженный желѣзной рѣшеткой памятникъ изъ бѣлаго мрамора на гранитномъ основаніи. На немъ, раздвинувъ гибкія и тонкія лозы тальника, выросшія у подножья памятника и склоняющіяся за рѣшетку, я прочелъ краткую надпись, много говорящую всѣмъ, кто любитъ поэзію Н. А. Некрасова:

Елена Андреевна
Некрасова
Скончалась
29 Іюля 1841 года *).

Въ далекомъ Петербургѣ, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти матери, поэтъ мечталъ какъ-то:

„Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать..."

Это было сказано о той самой могилѣ, которая была передъ моими глазами. Гибкія таловыя вѣтви, склоняющіяся изъ-за рѣшетки, тотчасъ вызвали у меня въ памяти образъ той трепетной ивы, которую добрая, физически-слабая мать Н. А. Некрасова посадила рядомъ съ дубомъ упрямаго и заскорузлаго крѣпостника-мужа.

Я не знаю, кѣмъ былъ поставленъ памятникъ на могилѣ матери Некрасова, мужемъ ея или поэ-

*) Въ біографіи мать Некрасова называется Александрой, но было ли у ней два имени по польскому обычаю, или она по-русски называлась Еленой, я не знаю,—только надпись относится къ матери Н. А. Некрасова.

томъ-сыномъ, который не рѣдко приводилъ въ исполненіе свое желаніе „рыдать на далекой могилѣ“. Вспомните, напр., слѣдующія строки изъ поэмы „Мать“:

„У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлестнутъ былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена—тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ“.

На могилѣ въ настоящее время нѣтъ креста,—онъ сломанъ. Поломана мѣстами и желѣзная рѣшетка вокругъ могилы. Рядомъ съ памятникомъ на могилѣ Е. А. Некрасовой стоитъ колонна аршина въ полтора изъ обыкновеннаго известковаго камня съ жестянымъ листомъ, на которомъ я прочелъ хорошо сохранившуюся надпись красной краской:

Священнѣйшему праху родителя
посвящаетъ сіе
Благодарны Сынъ штабсъ-
капитанъ Сергѣй Сергѣевичъ
Некрасовъ
Августа дня 1832 года.

Это скромный памятникъ на могилѣ дѣда Н. А. Некрасова, поставленный его дядею. На немъ также нѣтъ креста,—обвалился.

Лежащій рядомъ известковый камень: „Чадолюбивые родители штабсъ капитанъ Сергѣй Сергѣевичъ и супруга (?) Ивановна Некрасовы“ посвятили „праху незабвенной дочери и сына“ въ августѣ 1839 года.

Отецъ же Н. А. Некрасова погребенъ подъ „семейнымъ сводомъ“, о которомъ говоритъ поэтъ выше.

Фамильный склепъ Некрасовыхъ помѣщается въ маленькой четыреугольной часовнѣ, построенной изъ

кирпича въ углу церковной ограды. Склепъ устроенъ, какъ говорятъ, Ѳ. А. Некрасовымъ въ 60-хъ годахъ. Внутри онъ не доконченъ. Двѣ стѣны его покрыты картинами, писанными масляными красками и изображающими Спасителя на крестѣ, положеніе во гробъ, Воскресенье; двѣ другія стѣны—голы. Куполообразный потолокъ выкрашенъ свѣтло-голубой краской съ золотыми звѣздами. Вмѣсто пола—настилка изъ досокъ, положенныхъ на сгнившіе деревянные брусья. Самые брусья лежать на кирпичныхъ аркахъ, отчего полъ и держится, не падая внизъ. Подъ поломъ—воды на 2 аршина слишкомъ. Въ этой водѣ сверху плаваютъ гнилушки отъ брусьевъ, на которыхъ держится полъ, и видны три черныхъ ящика, въ которыхъ лежитъ прахъ поэта, старшаго брата его Андрея и сестры Анны Алексѣевны. Поэту не такъ сыро лежать на кладбищѣ въ Петербургѣ, какъ его отцу въ семейномъ склепѣ при церкви села Абакумцева, по крайней мѣрѣ весною, когда набирается вода отъ стаявшаго снѣга. Въ другое время воды не бываетъ, потому что церковь стоитъ на горѣ, на сухомъ мѣстѣ.

„И хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать“, тѣмъ не менѣе я, какъ и поэтъ, порадовался, что прахъ матери Некрасова погребенъ не подъ семейнымъ сводомъ, этимъ недоконченнымъ памятникомъ барской спѣси, гдѣ не только душно и нѣтъ солнца, но еще накопилось на два аршина застоявшейся воды, чернѣющейся подъ досками пола. Мирно спитъ мать поэта въ обросшей травою и лозами могилѣ за алтаремъ церкви, а въ склепѣ мнѣ все чудилось, что самъ А. С. Некрасовъ постучитъ вдругъ въ крышку своего ящика и крикнетъ: „Брр... скверно!.. возьмите меня отсюда, изъ этой ямы!..“ Я вышелъ, замкнувъ засовомъ зеленую желѣзную дверь склепа. За селомъ

я остановился, оглядывая широко развернувшуюся передъ моими глазами картину тѣхъ мѣстъ, гдѣ выросъ народный поэтъ, гдѣ онъ находилъ источникъ лучшихъ вдохновеній и гдѣ онъ, входя въ общеніе съ народомъ, искалъ забвенія мукъ страдающей души, слитой изъ столь несродныхъ душъ его отца и его матери, души, исполненной борьбы и противорѣчій, погрязавшей въ „нечистой тинѣ мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей“ и поднимавшейся на высоту самаго чистаго вдохновенія.

Передо мной тянулась зеленая полоса большой дороги, на которой влѣво за деревьями прятались крестьянскія постройки Грешнева. Отъ горы, на которой я находился, до самаго Грешнева и кругомъ его были все луга и поля, то чернѣющія свѣже-вспаханнымъ паромъ, то зеленѣющія подростающими хлѣбами. Лѣса около Грешнева не было съ давнихъ временъ, а теперь только по луговинѣ къ Волгѣ видны кой-гдѣ купы деревьевъ и маленькія рощи. Направо за большой дорогой видно озеро, на которомъ Н. А. Некрасовъ, навѣрное, стрѣлялъ утокъ. На днѣ его народная фантазія похоронила цѣлое село съ церковью. Эта водяная могила заманчиво голубѣла, сверкая на солнцѣ, среди безконечнаго зеленаго луга. Еще далѣе вправо синѣло плесо Волги, и на ея берегу видны были высокія колокольни села Діево-Городище,—родина одной изъ прекраснѣйшихъ личностей нашей исторіи, митрополита Филиппа. Два благородныхъ борца за правду, два великихъ заступника за жертвы произвола и насилія вышли изъ среды мирнаго и простого населенія, живущаго среди этой мирной, простой и немного грустной природы. Правда, по этимъ же полямъ носился со своими сворами и А. С. Некрасовъ, травя зайцевъ въ часы забавы и угнетая людей во всякое время, но это время уже

прошло. Правда, воспоминанія о старомъ баринѣ еще не сгибли въ пучинѣ народнаго забвенія, какъ самый прахъ его въ черномъ засмоленномъ ящикѣ можно еще видѣть въ глубинѣ семейнаго склепа близъ церкви Петра и Павла, на кладбищѣ которой множество безыменныхъ могилъ, поросшихъ травою и цвѣтами, уже сравнялись съ землею. Но пройдетъ время, поростутъ быльемъ дѣла старыхъ людей, народятся новые люди; они совершатъ новыя дѣла и создадутъ новыя пѣсни, которыя можетъ быть, уже не будутъ говорить все о горѣ, о злосчастіи, о голодѣ и холодѣ, обо всемъ, что щемитъ нашу душу въ поэзіи Н. А. Некрасова.

Что нужно сдѣлать въ память Н. А. Некрасова.

(Рѣчь, произнесенная 24 марта въ общемъ собраніи ярославскаго общества содѣйствія народному образованію).

Въ текущемъ 1902 г. исполняется 25 лѣтъ со дня смерти Н. А. Некрасова. Нужно надѣяться, что ярославское общество не останется безучастнымъ къ памяти славнаго народнаго поэта, ярославца по происхожденію. Поэтому является необходимость въ установленіи принципа чествованія памятнаго дня. Нравственная сторона поэзіи поэта мести и печали достаточно извѣстна. Конечно, случалось, что тяжелыя обстоятельства исторгали невѣрный звукъ изъ лиры поэта-гражданина, но въ общемъ его литературная физіономія осталась настолько опредѣленной, что съ Н. А. Некрасовымъ не можетъ случиться того, что произошло на юбилеяхъ Пушкина и Гоголя, которыхъ темныя общественныя силы, оскорбляя ихъ память, пытались причислить къ своему лику. Итакъ литературной физіономіи Н. А. Некрасова я касаться не буду. Я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, что Н. А. Некрасовъ былъ только послѣднимъ въ цѣломъ рядѣ историческихъ дѣятелей, также ярославцевъ по происхожденію, съ которыми онъ имѣетъ много общаго въ нравственныхъ свойствахъ и въ самой судьбѣ, наградившей терновымъ вѣнкомъ беззащитнаго пѣвца.

Первымъ въ ряду этихъ историческихъ личностей я назову Сергія Радонежскаго, благословив-

шаго князя Димитрія Донского на бой съ татарами. Нужно нѣкоторое усиліе воображенія, чтобъ понять теперь, что это значило въ то время. Представьте себѣ, какъ 500 лѣтъ тому назадъ Русь собиралась нанести первый открытый ударъ тому гнету, подъ которымъ она долго и покорно склонялась, хотя уже чувствовала, что можетъ стряхнуть позорное ярмо, если соберетъ всѣ свои силы. Извѣстно, какъ инертны люди въ массѣ, какъ они боятся всякаго рѣшительнаго шага; извѣстно такъ же, какъ въ Москвѣ привыкли хитрой политикой эксплуатировать въ свою пользу этотъ самый татарскій гнетъ,—и потому будетъ понятно, что въ то далекое время было множество людей, робѣвшихъ передъ страшною опасностью предпріятія, которое могло свергнуть гнетъ, а могло и отягчить его, было множество людей, которые находили просто нерасчетливымъ вооружать противъ себя ту силу, которою можно были пользоваться въ своихъ выгодахъ, хотя бы это и доставалось цѣною низкаго пресмыкательства, лжи и обмана. Потому-то было множество людей, убѣждавшихъ великаго князя повременить до лучшихъ обстоятельствъ, выждать, потерпѣть, вообще говорившихъ все то, что во всякое время говорятъ малодушные и робкіе люди противъ всякаго смѣлаго и рѣшительнаго шага. И вотъ монахъ, обладавшій огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ, благословляетъ великаго князя на опасное, но благородное дѣло завоеванія свободы и беретъ на себя нравственную отвѣтственность за это дѣло, побѣждая тѣмъ сомнѣнія великаго князя, который возставалъ на своего владыку, положимъ—невѣрнаго хана, поганаго татарина, однако именовавшагося царемъ и принимавшаго присягу на подданство отъ вассальныхъ русскихъ князей.

Прошло два вѣка. Въ Москвѣ уже не вассальный князь, а самодержавный грозный русскій царь, только-что покорившій два татарскихъ царства и подумывающій объ уничтоженіи третьяго, послѣдняго остатка татарской великой орды, когда-то грозно царившей надъ русскою землею. Но злая судьба русскаго народа, наконецъ-то послѣ цѣлыхъ вѣковъ испытаній и униженій дожившаго до торжества, уже готовитъ ему ударъ. Зловѣщій мракъ окутываетъ мысль и волю грознаго царя и онъ занятъ уже не столько врагами государства, сколько преслѣдованіемъ личныхъ враговъ, созданныхъ его же собственнымъ воображеніемъ. Заподозрѣна и взята подъ сомнѣніе вся земщина, почти весь русскій народъ, всѣ, кромѣ опричниковъ, т. е. доносчиковъ и палачей, овладѣвшихъ волею и воображеніемъ царя. Вся земщина клонитъ голову передъ налетѣвшею грозою и только еще болѣе приникаетъ къ землѣ, когда злыя силы выхватываютъ изъ ея среды свои жертвы. И въ это время нашелся только одинъ человѣкъ, который рѣшился указать царю на ужасъ переживаемаго времени. Это былъ опять монахъ, обладавшій огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ, оффиціальный глава церкви, призванный на этотъ постъ самимъ царемъ. „Царь, —говоритъ митрополитъ Филиппъ въ храмѣ Грозному, когда онъ подошелъ ко кресту,—здѣсь совершается жертва безкровная, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская“—и отстраняетъ крестъ. Царь разгнѣванъ, но пытается оправдаться. „Ты не знаешь, говоритъ онъ митрополиту, что враги мои возстали на меня“.—„Никакихъ враговъ у тебя нѣтъ, это ты самъ ихъ выдумалъ, возражаетъ митрополитъ: не пристало православному царю такъ мутить свою державу“.

Человѣкъ, рѣшившійся сказать это среди об-

щаго подавленнаго безмолвія, былъ ярославецъ по происхожденію, какъ и тотъ не столь въ нравственномъ отношеніи возвышенный и мученическаго вѣнца не пріявшій, но все-же благородный человѣкъ, который еще раньше сказалъ грозному царю подобныя же слова, но изъ безопаснаго мѣста. Князь Курбскій любопытенъ еще и въ другомъ отношеніи: онъ былъ самый образованный человѣкъ своего времени и въ этомъ отношеніи явился предшественникомъ дворянъ эпохи, наступившей послѣ реформы Петра I.

Прошло еще два вѣка. Дворянство освободилось отъ обязательной службы государству, но увеличило свои привилегіи. За эти выгоды своего положенія оно заплатило русскому народу тѣмъ, что создало русскую литературу, гордость русскаго народа, дало Россіи такихъ людей, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Тургеневъ, Лермонтовъ, Толстой, Щедринъ, людей, которые выросши въ привилегіяхъ крѣпостного права, сами объявили непримиримую войну этимъ привилегіямъ, людей, до сихъ поръ остающихся учителями для своихъ послѣдователей, которые выходятъ теперь уже изъ всѣхъ сословій. Русская литература создавалась уже въ такое время, когда Россія сдѣлалась огромнымъ политическимъ тѣломъ, въ которомъ Ярославская губернія является только маленькой частицей. Но Россія настоящаго времени, вѣдь только дальше ушла по тому пути, первоначальное направленіи котораго дано въ значительной степени именно ярославцами, составлявшими когда-то большую часть того зерна, изъ котораго выросла современная Россія. Притомъ же, какъ ни мала теперь Ярославская губернія въ сравненіи со всей Россіей, протянувшейся отъ моря до моря, какъ ни мала относительно роль ярославцевъ въ океанѣ русской жизни, всетаки

Ярославская губернія не оплошала и въ дѣлѣ созданія русской литературы. Правда, она не дала Россіи такихъ колоссовъ, какъ Толстой, но все же Ярославской губерніи принадлежитъ Н. А. Некрасовъ, имя котораго двояко записано въ лѣтописяхъ русской литературы: какъ практическаго дѣятеля, создавшаго два лучшихъ русскихъ журнала и какъ поэта. Пусть Н. А. Некрасовъ въ силѣ своего художественнаго таланта уступаетъ Пушкину и Лермонтову, но мы не должны забывать, что въ поэзіи Н. А. Некрасова звучитъ громче, чѣмъ въ произведеніяхъ всѣхъ другихъ современныхъ ему писателей, кромѣ Щедрина, нота протеста и возмущенія гнетомъ и несправедливостью отживающаго крѣпостного права и пережившихъ его остатковъ. Въ поэзіи почти современнаго намъ поэта мести и печали, великаго заступника народнаго, мы находимъ ту-же силу нравственнаго чувства, возстающаго противъ гнета и несправедливости, какъ и у его историческихъ предшественниковъ-ярославцевъ. И какъ они, Некрасовъ страдалъ за то, что шелъ противъ царящаго зла.

Кромѣ этого, есть еще нѣчто общее въ судьбѣ тѣхъ славныхъ ярославцевъ, о которыхъ я здѣсь говорилъ. Всѣ они родились въ предѣлахъ Ярославской губерніи, но дѣятельность ихъ прошла внѣ тѣсныхъ предѣловъ ихъ родины, въ современныхъ имъ центрахъ русскаго государства. Конечно, большому кораблю—большое и плаваніе, но грустно то, что ярославская земля, отпустивъ своихъ сыновъ на широкій просторъ общегосударственной и всероссійской дѣятельности, сама о нихъ забывала. Вѣроятно, причиною этого явленія послужило, главнымъ образомъ, малое развитіе общественной жизни и общественной мысли въ „глубинѣ Россіи“, въ провинціи. Вѣроятно, не малую роль сыгралъ и

узкій провинціализмъ людей, оставшихся на мѣстахъ, въ „глубинѣ Россіи“, провинціализмъ маленькихъ людей, живущихъ маленькими интересами и не желающими знать, что тамъ, въ столицахъ, дѣлаютъ большіе люди. Можетъ быть, есть еще и другія причины, но фактъ тотъ, что ярославская земля только породила великихъ людей и отдала ихъ столицамъ, а потомъ сдѣлалась имъ чужда. Сергій Радонежскій и митрополитъ Филиппъ были канонизированы Москвою; Москва же, въ лицѣ самого грознаго царя, создала извѣстность, хотя въ другомъ родѣ, князю Курбскому, а родина этихъ людей была тутъ не причемъ.

Въ столицѣ протекла вся дѣятельность Н. А. Некрасова, а на родинѣ онъ при жизни за исключеніемъ только того случая, когда былъ изгнанъ изъ гимназіи за сатирическое произведеніе, являлся и былъ извѣстенъ не въ роли писателя, а въ роли помѣщика и охотника.

„Мы—скопскіе, не русскіе“, до сихъ поръ смѣются надъ темными псковичами, которые не знаютъ ничего на свѣтѣ, кромѣ своей псковской палестины. Ярославецъ не только теперь, онъ давно уже не способенъ былъ уподобиться темному псковичу. Но за всѣмъ тѣмъ остается фактомъ, что ярославцы забывали своихъ, разъ они переставали быть только ярославцами, а становились дѣятелями все россійскими.

Изъ Ярославской губерніи вышли митрополитъ Филиппъ и князь Курбскій, а не Малюта Скуратовъ, —Москва разберетъ, кого въ святые произвести и кого осиновымъ коломъ приткнуть, а насъ это не касается; мы дали Россіи Некрасова, а не Каткова,—кому какъ, а намъ ничего неизвѣстно. Въ столицѣ Н. А. Некрасовъ боролся, страдалъ, падалъ въ борьбѣ, опять поднимался, каялся передъ

родиною въ томъ, что онъ плохой борецъ за нее, скорбно укорялъ родину за то, что она плохая мать,— на все это родина отвѣчала своему сыну глубокимъ молчаніемъ. И Н. А. Некрасовъ, какъ и всѣ другіе борцы за мысль, остался одинокимъ и всю жизнь прожилъ только вѣрою въ будущее родины съ печальнымъ сознаніемъ, что настоящее нѣмо, глухо или враждебно.

Вы въ своей землѣ благословенной
Паріи,—не знаетъ васъ народъ!
Свѣтскій кругъ, бездушный и надменный,
Васъ презрѣньемъ хладнымъ обдаетъ.
И звучитъ безцѣльно ваша лира:
Вы пѣвцами темной стороны,
На любовь, на уваженье міра
Не стяжавшей права,--рождены!
Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о насъ весь западъ говоритъ.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!.. Но родина молчитъ...

Да, западъ вправѣ бросить въ насъ этотъ камень. Тамъ умѣютъ чтить своихъ великихъ людей. Они тамъ еще при жизни не бываютъ одиноки. Если въ однихъ они вызываютъ ненависть и вражду, за то всегда у нихъ есть друзья, которые не отдадутъ ихъ беззащитными въ жертву ненависти и злобѣ. И послѣ смерти тамъ умѣютъ чтить ихъ память. Въ любомъ городкѣ западной Европы вы найдете памятникъ великому человѣку, если его имя какъ-нибудь связано съ городкомъ.

Нечего ужъ и говорить о родинѣ человѣка, носившаго славное имя. „jl paese del Dante“, съ гордостью говоритъ слуга-итальянецъ въ разсказѣ Тургенева о своемъ родномъ городѣ. Многіе-ли орловцы гордятся тѣмъ, что они земляки Тургенева? А въ Ярославлѣ вы найдете немало людей, которые не только не знаютъ, что Некрасовъ—ярославецъ, но и о самомъ Некрасовѣ ничего не зна-

ютъ. А что въ Ярославской губерніи напоминаетъ о томъ, что Некрасовъ—уроженецъ Ярославской губерніи?

Позвольте мнѣ перенести вашу мысль въ тѣ мѣста, гдѣ Некрасовъ выросъ и куда онъ любилъ переноситься мыслью изъ далекаго Петербурга.

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ
Церковь старая чудится мнѣ.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечемъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.

Это описана церковь Петра и Павла въ селѣ Абакумцевѣ, Ярославскаго уѣзда, при которой погребены отецъ, мать и другіе родственники Некрасова. Если стать здѣсь спиной къ церкви, лицомъ къ Волгѣ, то передъ глазами будетъ безконечная равнина, вся зеленая лѣтомъ. Равнина эта низка, она далеко, почти до горы заливается полою водою. На ней все лѣто остаются въ лугахъ озера, слѣды, вѣроятно, прежняго русла Волги. Теперь Волга отошла далеко къ правому берегу и плесо ея синѣетъ вдали, обозначенное, гдѣ оно скрыто берегомъ, дымомъ бѣгущихъ пароходовъ и мачтами идущихъ судовъ. Тамъ Волга быстро несетъ свои воды въ берегахъ, воспѣтыхъ поэтомъ, а эти остатки прежняго русла заносятся иломъ, заростаютъ травою, гніютъ лѣтомъ, но все еще среди зеленыхъ луговъ остаются ненужными слѣдами прежняго направленія стихійной силы. Лѣсу въ этой мѣстности мало, вездѣ только луга да пашни, и на ихъ зелени разбросаны мѣстами темныя пятна селеній. Бѣлѣютъ тутъ и тамъ колокольни сельскихъ церквей. Фабричныхъ трубъ не видно, но заводы здѣсь

уже есть, только они невелики и не бросаются въ глаза. Однако, значеніе въ этой мѣстности они имѣютъ не малое, такъ какъ для здѣшнихъ заводовъ, вырабатывающихъ преимущественно картофельную муку, крестьяне сѣютъ много картофеля, измѣняя исконной ржи. Вдоль всей этой равнины подъ горою тянется костромская большая дорога. Когда-то это былъ людный трактъ, но теперь движеніе ушло на ту сторону Волги, гдѣ проведена желѣзная дорога, и костромской трактъ заростаетъ травою. Влѣво по этой дорогѣ, верстахъ въ трехъ отъ Абакумцева, находится Грешнево, гдѣ когда-то жили Некрасовы и гдѣ была ихъ усадьба. Во всей этой мѣстности нѣтъ уже теперь ни одной дворянской усадьбы, и въ Грешневѣ о Некрасовыхъ сохранились только воспоминанія, еще живыя въ памяти стариковъ, но уже стирающіяся въ болѣе молодыхъ поколѣніяхъ. Слѣды Некрасовыхъ мы найдемъ въ Абакумцевѣ, на кладбищѣ, у церкви Петра и Павла.

Въ самомъ Грешневѣ только опытный взглядъ догадается, что на томъ мѣстѣ за деревней, гдѣ теперь находится трактиръ крестьянина Титова, была когда-то дворянская усадьба, гдѣ выросъ народный поэтъ, куда онъ наѣзжалъ потомъ изъ столицы отдыхать отъ тревогъ и волненій столичной жизни и гдѣ онъ написалъ нѣкоторыя свои произведенія. Н. А. Некрасовъ относился двойственно къ своему родному гнѣзду. Съ нимъ онъ связывалъ и самыя худшія воспоминанія своего дѣтства,—объ отцовскомъ суровомъ гнетѣ, и самыя лучшія воспоминанія,—о своей матери. Первыя были свѣжи въ молодости Н. А. Некрасова и потому-то въ одномъ изъ раннихъ его стихотвореній, посвященномъ „Родинѣ“, мы находимъ слѣдующія полныя ненависти строки:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я.
Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легко неотразимымъ,
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Съ теченіемъ времени эти воспоминанія сгладидились, и тѣмъ сильнѣе заговорила въ душѣ поэта память о его матери. Но въ разсказахъ мѣстныхъ стариковъ, пережившихъ всю грозу крѣпостного права, и теперь еще сильны и свѣжи тѣ чувства и воспоминанія, которыя вылились изъ души самого Н. А. Некрасова въ стихотвореніи, посвященномъ своему гнѣзду. Только старики и не подозрѣваютъ, что сынъ суроваго Алексѣя Сергѣевича Некрасова такъ же ненавидѣлъ гнетъ своего отца, какъ и они сами. Для нихъ Н. А. былъ такъ же баринъ, только не такой грозный, какъ его отецъ, а баринъ добрый и щедрый, „настоящій баринъ“, а не кулакъ.

Въ Грешневѣ и въ окрестныхъ деревняхъ мно-

ie крестьяне лѣтъ 40 и старше помнятъ Н. А. Iекрасова. Вамъ разскажутъ, что Н. А. былъ щедръ, то онъ не забывалъ деревенскихъ знакомыхъ и ѣтямъ часто привозилъ изъ Петербурга подарки. Io далеко не всѣ знаютъ, что Н. А. Некрасовъ ылъ не только баринъ, сынъ А. С. Некрасова, ставившаго по себѣ недобрую память, а также и исатель, и еще меньше найдете вы здѣсь людей, оторые читали его произведенія, и понимаютъ, о емъ писалъ Н. А. Немногіе изъ мѣстныхъ крестьнъ знаютъ, что сынъ грознаго А. С., мучившаго воихъ подвластныхъ, имѣлъ право сказать о себѣ:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Они не знаютъ этого, почему,—самъ Некрасовъ ›бъяснилъ:

Но пѣснь моя безслѣдно пролетѣла
И до народа не дошла она.

Когда пѣснь Некрасова дойдетъ до народа, это-о мы сказать не можемъ, но за то мы можемъ ıомочь осуществиться другой мечтѣ Некрасова о 'омъ времени,

Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго,—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ.

Го время, когда люди русскіе, крестьяне правоıлавные услышатъ и узнаютъ, что имена Гоголя, Бѣлинскаго и самого Некрасова, прибавимъ мы,—

Имена великія
Носили ихъ, прославили
Заступники народные.

Пусть хотя въ современномъ подростающемъ ıоколѣніи крестьянъ, земляковъ поэта, осуществит:я его мечта. Со стариками исчезнетъ въ пучинѣ ıароднаго забвенія недобрая, но, къ сожалѣнію,

заслуженная память объ отцѣ поэта, а новыя поколѣнія будутъ уже знать о Н. А. Некрасовѣ, только какъ о пѣвцѣ народа, великомъ заступникѣ народномъ. И тогда имя Некрасовыхъ не будетъ звучать зловѣще на ихъ родинѣ. Это—задача общества, потому что никто другой за нее не возьмется.

Я съ умысломъ далъ подробное описаніе мѣстъ связанныхъ съ именемъ Н. А. Некрасова.

Осматривая ихъ съ горы, мы видѣли въ этихъ мѣстахъ слѣды стихійной работы природы,—остатки прежняго русла Волги.

Дѣятельность человѣка обратила эти мѣста въ сплошную пашню. Слѣды вѣковой дѣятельности, начавшейся въ 988 г. и пріобщившей полудикое населеніе Руси къ семьѣ христіанскихъ цивилизованныхъ народовъ, также многочисленны въ этой мѣстности. На кладбищѣ с. Абакумцева, въ усадьбѣ Титова и въ народной памяти находятся еще слѣды затихшей въ этой мѣстности жизни и дѣятельности людей того сословія, которое сыграло такую блистательную роль въ исторіи Россіи и до сихъ поръ сохраняетъ еще первенствующее значеніе во многихъ сторонахъ государственной и общественной жизни, хотя „въ глубинѣ Россіи“ мѣстами только опытный взглядъ можетъ отыскать слѣды былой жизни этого сословія. Русская промышленность не сдѣлала въ этой мѣстности такихъ большихъ завоеваній, какъ въ другихъ мѣстахъ; она не высится здѣсь громадными трубами своихъ фабрикъ, не пятнаетъ здѣсь синевы неба темными полосами дыма; но, не бросаясь въ глаза, она все-таки прочно здѣсь основалась и даже сумѣла крестьянскую жизнь перестроить согласно своимъ нуждамъ. Мы найдемъ здѣсь слѣды административной дѣятельности, хотя бы въ видѣ этой заро-

стающей теперь травою большой дороги. Земство заявило здѣсь о себѣ хотя бы школою въ селѣ Абакумцевѣ, а духовное вѣдомство, которое еще такъ недавно выступило въ дѣлѣ начальнаго образованія, успѣло дать этой мѣстности даже двѣ церковно-приходскія школы. Наконецъ, даже столь молодое учрежденіе, какъ винная монополія, говоритъ о себѣ золотыми по зеленому полю буквами вывѣски казенной винной лавки въ Грешневѣ. Но вы не найдете здѣсь слѣдовъ дѣятельности нашего общества. То общественное теченіе, которое вызвало въ Ярославлѣ къ жизни наше общество,—теченіе, которое сдѣлалось въ русской общественной жизни замѣтнымъ со времени великихъ реформъ и которое, зародившись въ свѣтлое время, имѣетъ передъ собою полное надеждъ будущее, не проложило еще дороги въ эту тихую мѣстность. Пора это сдѣлать. Въ память Н. А. Некрасова общество должно заглянуть въ этотъ уголокъ и тамъ на ряду съ тѣмъ, что уже вызвано къ жизни ранѣе насъ пришедшими, посѣять и свое зерно. Мнѣ кажется, что оно хорошо примется на почвѣ жаждущаго свѣта крестьянства.

Вы помните, какъ во времена Н. А. Некрасова крестьянскія дѣти его родины удовлетворяли свою жажду знанія. Когда тамъ

дорога большая была,
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа,

преподавая во время отдыха подъ густыми вязами некрасовской усадьбы географію и прочія науки обступавшимъ ихъ ребятамъ.

Теперь уже не то: трактъ заглохъ, рабочаго званія люди катятъ въ сторонѣ, по чугункѣ. По тракту ѣздятъ теперь больше мѣстные крестьяне въ городъ и, когда я съ моимъ знакомымъ, про-

бирался на святкахъ въ Грешнево, вѣтеръ заносилъ мѣстами безъ слѣда даже наѣзженную дорогу по срединѣ тракта. А, вѣдь, еще недавно здѣсь скрипѣли безконечные обозы и дорога была наѣзжена отъ аллеи до аллеи. Теперь здѣсь безлюдно и тихо; только вѣтеръ, вольно гуляющій надъ здѣшними открытыми полями, напѣвалъ въ березахъ покинутой дороги свои унылыя пѣсни.

Когда я сидѣлъ въ трактирѣ „Раздолье“ въ Грешневѣ, изъ сосѣдней деревни пришла компанія молодежи попить чаю въ трактирѣ и погулять. Они не полѣнились пройти 2—3 версты до Грешнева, увязая въ глубокомъ снѣгу, ради своего маленькаго удовольствія. Больше некуда было придти въ Грешневѣ этой молодежи, которой наскучило сидѣть все въ своей занесенной снѣгомъ деревнѣ. Если бы въ Грешневѣ была библіотека, она замѣнила бы молодежи утраченныя сказки и притчи прохожихъ людей, и эта молодежь не полѣнилась бы ходить въ Грешнево для библіотеки и проторила бы къ ея дверямъ дорогу болѣе торную, чѣмъ къ двери подъ зеленой вывѣской или къ входу въ трактиръ „Раздолье“.

Нужно посмотрѣть...

Почитателямъ Н. А. Некрасова.

Въ декабрѣ текущаго года исполнится 25 лѣтъ со дня смерти Н. А. Некрасова.

На западѣ память такого поэта уже давно бы ознаменовали памятникомъ или другимъ способомъ, достойнымъ памяти того, кому тысячи людей обязаны своимъ развитіемъ.

Такъ и въ Россіи дѣлаютъ народности, стоящія близко къ западу по своему умственному развитію. День рожденія финскаго народнаго поэта Рунеберга ежегодно чествуется въ Гельсингфорсѣ, какъ народный праздникъ.

Поляки еще при жизни своего знаменитаго писателя Сенкевича принесли ему въ даръ имѣніе, купленное на деньги, собранныя путемъ общественной подписки.

Мы, русскіе, не таковы. Правда, недавно праздновалось столѣтіе со дня рожденія Пушкина, но въ этомъ торжествѣ иниціатива и главная роль принадлежитъ не столько обществу, сколько правительству.

Какъ при жизни Пушкина, его матеріально, и часто и нравственно, поддерживалъ Императоръ Николай I, такъ и теперь правительство въ ознаменованіе Пушкинскаго дня купило его имѣніе и обратило его въ общественную собственность. А всѣ общественныя попытки ознаменовать память тѣхъ людей, которые сами столько дали русскому обществу, до сихъ поръ кончались постыднѣйшей и позорнѣйшей неудачей.

Уже давно предприняли въ Орлѣ поставить памятникъ Тургеневу, но до сихъ поръ памятника въ Орлѣ нѣтъ и, когда онъ будетъ,—невѣдомо.

Та-же судьба постигла проэктъ постановки памятника Гоголю.

Всѣ мы, по мѣрѣ силъ, ставимъ памятники на могилахъ нашихъ родственниковъ, но то, что можетъ сдѣлать каждый въ отдѣльности для близкихъ ему людей, то безсильно сдѣлать общество въ память тѣхъ, кого должно назвать учителями общества.

Память нашихъ великихъ людей для общества такъ же безвѣстна, какъ память какого-нибудь жалкаго бродяги, подобраннаго на дорогѣ и скончавшагося въ участкѣ.

Русское общество не лишено великихъ людей, но оно такъ убого умственно, что до сихъ поръ еще не научилось чтить ихъ память.

Мы не дѣлаемъ попытки ознаменовать 25-лѣтіе со дня смерти Н. А. Некрасова постановкою ему памятника.

Зачѣмъ задаваться несбыточными предпріятіями?

Но казалось бы, вполнѣ возможно ознаменовать его память способомъ, который потребуетъ меньшей затраты средствъ, но все же будетъ достоинъ памяти поэта. Вотъ этотъ способъ. Бывшее имѣніе Некрасовыхъ, гдѣ поэтъ выросъ, находится теперь въ рукахъ крестьянина Титова. Вѣроятно, теперешній владѣлецъ бывшаго гнѣзда Некрасовыхъ согласится продать часть усадьбы.

Нужно купить ее и основать въ ней библіотеку имени Н. А. Некрасова для мѣстныхъ крестьянъ. Было бы хорошо основать еще школу, но мы не надѣемся собрать столько средствъ.

Задачу ознаменовать память поэта такимъ способомъ готово взять на себя общество для содѣйствія народному образованію въ Ярославской гу-

берніи. Но средства общества незначительны и осуществить эту задачу оно можетъ только при помощи всѣхъ почитателей поэта. Пусть всѣ, кому дорога его память, придутъ на помощь обществу.

Деньги эти будутъ передаваться совѣту общества содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи, который взялъ на себя задачу чѣмъ-нибудь ознаменовать память Н. А. Некрасова.

Чѣмъ больше получитъ общество средствъ для этой цѣли, тѣмъ достойнѣе будетъ почтена память поэта.

теперь существовать безъ спеціальной поддержки правительства, на доходы отъ своихъ произведеній, которыя, если они того стоятъ, находятъ себѣ въ обществѣ широкое распространеніе. Но научившись уже читать и понимать своихъ писателей, русское общество еще не научилось достойно цѣнить ихъ память, и въ этомъ отношеніи ему еще нужно учиться тѣми примѣрами, которое даетъ ему правительство.

Пріобрѣтая бывшее имѣніе Пушкина, правительство тѣмъ самымъ учило, что мѣста, связанныя съ памятью великихъ людей, священны и должны быть общею собственностью такъ же, какъ самое имя и дѣла великихъ людей, особенно, если это былъ поэтъ.

Вотъ почему бывшее имѣніе Пушкина было обращено въ общественное достояніе, хотя оно оставалось въ родѣ Пушкина. Въ томъ, что правительство отдало это имѣніе псковскому дворянству, сказалась, по нашему мнѣнію, мысль, что Пушкинъ, хотя поэтъ народный и даже міровой, все таки прежде всего дворянинъ.

Въ Кишиневѣ, во время пушкинскихъ дней, на одномъ вѣнкѣ была надпись: „Дворянину Пушкину".

Въ Тульской губерніи, не помнимъ, въ дворянскомъ или земскомъ собраніи обсуждался докладъ о чествованіи юбилея „дворянина Тульской губерніи Жуковскаго".

Переходимъ теперь къ чествованію памяти Н. А. Некрасова.

Правительство дало на юбилеѣ Пушкина примѣръ обществу и урока своего болѣе не повторяло на юбилеяхъ Гоголя и Жуковскаго.

Въ средѣ ярославскаго дворянства нѣтъ, повидимому, намѣренія, пользуясь подходящимъ случаемъ, послѣдовать примѣру правительства и почтить